

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



JOURNAL OF ANCIENT HISTORY



3(202)

Июль—Август—Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

В.И. Сарианиди

ДВА УНИКАЛЬНЫХ ФЛАКОНА ИЗ БАКТРИИ

Благодаря любезности доктора А. Халле и доктора К. Гиббон в моем распоряжении оказались фотографии двух бронзовых флаконов, предназначенных скорее всего для какой-то парфюмерии, происходящих из грабительских раскопок могил в Бактрии (Северный Афганистан). Оба они, таким образом, имеют неясное происхождение, но точно такие же флаконы теперь достаточно хорошо представлены в археологическом материале Юго-Западной Азии, что дает право рассматривать и эти, как относящиеся к эпохе бронзы. Наиболее полная коллекция подобных флаконов происходит из Бактрии; в этой коллекции наряду с простыми флаконами имеются и художественно выполненные, украшенные рельефными протомами различных животных¹. Оба флакона полностью соответствуют уже известным, выгодно отличаясь от них сохранившимися на их туловах изображениями, отлитыми в рельефе.

Первый флакон имеет высокое узкое горло, биконическое тулово и выделенное донце (рис. 1). На горле представлены четыре однотипные изображения обезьяны, стоящей на задних лапах, передние сложены на груди. Плечики флакона украшены тремя выполненными в рельефе фигурами орлов с распростертыми крыльями, широко распушенными хвостами и выделенными в круглом рельефе головами с хищно загнутыми клювами (рис. 2). Точно такие же фигуры орлов известны в Бактрии, где они в виде аппликаций украшают золотые кубки², происходящие также из грабительских раскопок; одна каменная форма для отливки таких фигур теперь известна из археологических раскопок в Маргиане (рис. 3.).

Основная композиция помещена на нижней (большей) части тулова флакона, причем ее главную, центральную часть составляет изображение змея, если не змееподобного дракона, с изогнутым телом и закрученным на конце хвостом. Змей изображен с широко разинутой пастью, из которой высовывается передняя часть зайца с небольшой головой, выпукло намеченным глазом и длинными ушами. Мордочка зайца лежит на вытянутых вперед лапках с выпущенными когтями (рис. 4).

Перед этой бесспорно центральной частью всей композиции располагается фигура еще одного животного, скорее всего тоже зайца, показанного в момент прыжка вниз головой. За ним помещена фигура обезьяны, выполненной весьма обобщенно: с небольшой подтреугольной головой, стоящей вертикально со сложенными вместе лапами, поднятыми перед мордочкой. Длинный хвост поднят вверх и закручен на конце. Далее идет опять фигура зайца в момент прыжка вниз головой; у него длинные уши и короткий хвост. Наконец, последний персонаж композиции представлен фигурой обезьяны, стоящей на задних лапах с передними, поднятыми перед мордочкой, и длинным хвостом, поднятым вверх.

¹ Сарианиди В.И. Косметические флаконы из Бактрии // СА. 1979. № 1.

² Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'Age du Bronze. P., 1984. Pl. XLIV, 321.

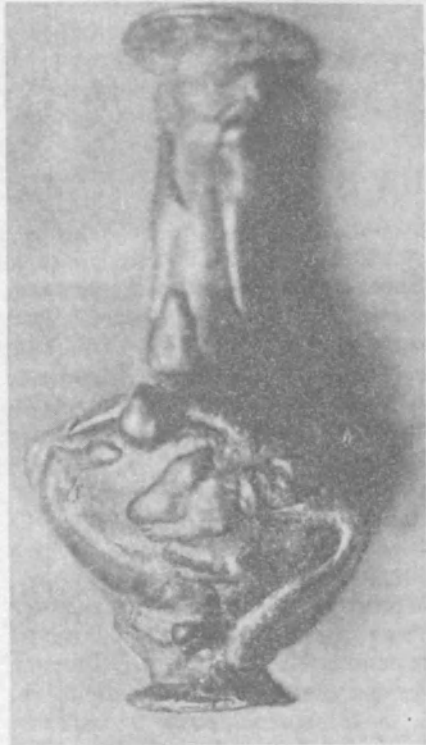


Рис. 1. Первый флакон из Бактрии.



Рис. 2. Прорисовка рельефа на плечиках первого флакона

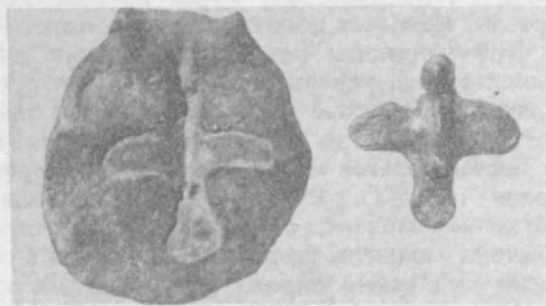


Рис. 3. Каменная форма и отливка в виде орла, Маргиана

Итак, рассматриваемая композиция состоит из центрального изображения змееподобного дракона, пожирающего зайца, по обе стороны от которого располагается пара однотипных изображений — прыгающий вниз головой заяц и спокойно стоящая обезьяна.

Изображения обезьян достаточно широко представлены на печатях Бактрии. Они нередко помещались в центре перегородчатых ажурных печатей, иногда представлены восседающими на кресле или троне. Это не оставляет сомнений в том, что перед нами важные персонажи. Известны и изображения зайцев на печатях Бактрии и Маргианы. Судя по многочисленным изображениям змееподобных драконов, они, вероятно, являлись главными персонажами бактрийской мифологии, где выступали в явно отрицательной (по отношению к человеку) роли. Словом, все персонажи на рассматриваемом флаконе достаточно хорошо представлены в глиптике Бактрии³, но, кажется, впервые они составляют явно сюжетную композицию. Дракон, нападающий, а нередко и пожирающий свою жертву (птиц, животных), — популярный мотив древнебактрийской глиптики. Злой дракон, пожирающий мирное животное (в данном случае зайца), по-видимому, отражает борьбу добрых и злых сил — эту главную идею бактрийской мифологии. И хотя мы не знаем, что именно символизировал заяц, думается, он выступает здесь носителем доброго, положительного (по

³ Саряниди В. И. Древнебактрийский пантеон // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 10. М., 1986.

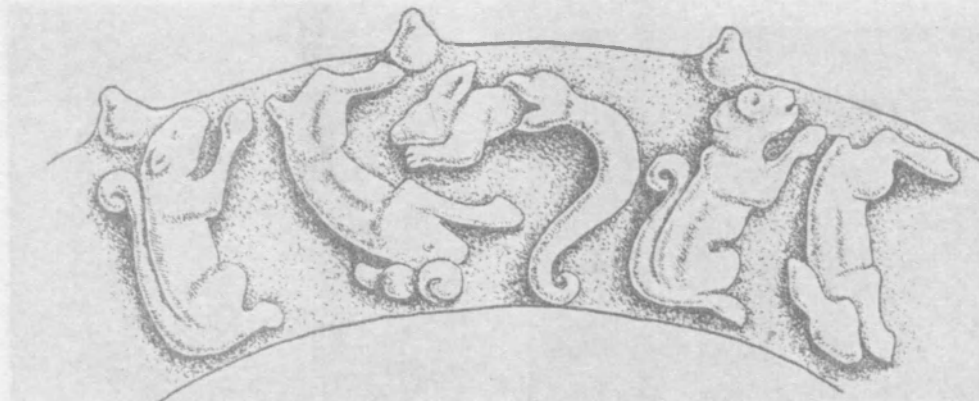


Рис. 4. Прорисовка рельефа на тулове первого флакона

отношению к человеку) начала. Косвенным подтверждением тому может служить тот факт, что в иранском (осетинском) эпосе сохранился миф, в котором фигурирует дочь бога вод в облике зайца, т.е. это явно положительный образ в мифологии древних людей. В таком случае дракон, пожирающий зайца, скорее всего и отражает важнейшую идею древнебактрийской мифологии — вечную борьбу Добра и Зла.

Второй флакон имеет цилиндрическую форму с высоким горлом и рифленым венчиком, причем на плечиках флакона имеется петелька, предположительно, для крепления пробки в виде сидящей фигурки обезьянки. Тулово флакона украшено сложной сценой, выполненной в высоком рельефе, разделенной на два регистра (рис. 5). В нижнем регистре в центре на кресле с невысокой спинкой и низкими ножками восседает козел с длинными, загнутыми на концах рогами, с четко выделенными глазом и ухом. На его шее спереди просматривается сильно стертая и поэтому не совсем понятная зубчатая полоска, передние ноги, видимо, расставлены в стороны (изображение здесь сильно стерто); задние ноги с четко выделенными копытцами опираются на землю (рис. 6).

Перед этим явно главным персонажем изображена стоящая на задних лапах обезьяна с узкой заостренной головой и четко намеченным глазом. В левой лапе она держит конической формы кубок, как бы преподнося его сидящему на кресле козлу. Правая лапа с зажатым в кулак каким-то неясным предметом покоится на низком столике с короткими ножками. Сразу же отметим, что кубок в левой лапе обезьяны очень похож на керамические сосуды, характерные для Бактрии эпохи бронзы. За спиной обезьяны с кубком стоит крупный сосуд типа пифоса с яйцевидным туловом и выделенным венчиком. Рядом с пифосом располагается другая обезьяна, сидящая на задних лапах; судя по достаточно четко моделированной голове, можно предположить, что это бабуин. В левой лапе обезьяна держит небольшой сосуд типа кринки — формы, также хорошо представленной в керамике Бактрии эпохи бронзы.

Наконец, за спинкой кресла, на котором восседает козел, помещена еще одна небольшая фигурка сидящей обезьянки. Изображение настолько сильно коррозировано, что с трудом читается общий облик животного.

Во втором, верхнем регистре непосредственно над обезьяной с кубком изображен цветок наподобие тюльпана или мака. Рядом сидит напоминающая бабуина обезьяна с загнутыми вверх хвостом и хорошо моделированной головой, выпуклым глазом и носом. В правой лапе обезьяна держит обоюдоострый кинжал с выделенной ручкой, которым она наносит удар по убегающему от нее животному, напоминающему волка с поджатым хвостом.



Рис. 5. Второй флякон из Бактрии

Эта сложная композиция уникальна в иконографии Юго-Западной Азии, но находит достаточно близкие соответствия в прикладном искусстве передовых центров тогдашнего мира. Так, хорошо известны месопотамские сцены, на которых еда и питье преподносятся божеству, сидящему перед подставкой с едой и культовым питьем. Это так называемые банкетные сцены, широко представленные на цилиндрических печатях Месопотамии. На них обычно изображалось сидящее божество, держащее в отставленной в сторону руке кубок, которому служки подносят сосуды с питьем.

Если с этой точки зрения подходить к рассмотрению сцены на бактрийском фляконе, то нетрудно заметить, что он соответствует банкетным сценам Месопотамии, с той лишь разницей, что люди здесь заменены животными. Но это различие имеет второстепенное значение, так как в раннединастическом и эламском искусстве известны такие сцены, где все персонажи представлены животными. Это так называемые басенные композиции, где быки, козлы, обезьяны, львы и другие животные изображают людей, имитируя сцены реальной жизни. Примером может служить композиция на одной печати из Ура, где на троне восседает лев с кубком в лапе, перед которым проходит целая процессия животных-музыкантов, возглавляемая козлом, подносящим пирующему льву сосуд с питьем⁴.

По существу этой же теме посвящена и композиция на бактрийском фляконе, на которой отражена сцена ритуального возлияния. Сидящему козлу подносит

⁴ Frankfort H. Cylinder Seals. L., 1939.



Рис. 6. Прорисовка рельефа на втором флаконе

кубок с питьем стоящая перед ним обезьяна, в то время как другая за ее спиной черпает это питье из стоящего рядом пифоса. Менее ясна композиция верхнего регистра; скорее всего она изображает изгнание волка, мешающего всей церемонии. Конечно, можно было бы допустить, что перед нами обычная сцена пиршества, но этому противоречит изображение цветка тюльпана или мака. Этот элемент как бы выбивается из композиции, но его присутствие получает логическое обоснование, если допустить, что в Бактрии из этого вида растений изготавливалось ритуальное питье, как это документально засвидетельствовано для соседней Маргианы.

Думается, что вся композиция рассматриваемого флакона связана с темой культовых возлияний, несомненно распространенных в Бактрии, свидетельством чему являются специальные культовые сосуды, найденные здесь в древних могилах.

Как в месопотамской, так и в анатолийской глиптике в сценах возлияний имеются изображения обезьян, всегда занимающих второстепенное положение в общей композиции; нередко они представлены с кувшинами в лапах в роли слугителей, иногда из этих кувшинов торчат веточки растений, что, по мнению М. Меллинк, может свидетельствовать о том, что само питье готовилось из целебных растений. Независимо от окончательного решения этого вопроса можно считать доказанным, что в анатолийской глиптике обезьяны с сосудами выступают в роли слуг в церемониях, связанных с культовыми возлияниями³. Обезьяны с сосудами известны в искусстве Малой Азии, Сирии и Египта. Возможно, так очерчивается тот культурно-исторический круг, где родился образ этого животного, связанный с церемониями культовых возлияний.

В Хеттском царстве (XVII в. до н.э.) сцены возлияний остаются столь же популярными, но роль обезьян постепенно замещают крылатые птице-люди с сосудами в руках, из которых они выливают жидкость на землю. Интересна и сцена на одной печати молоточковидной формы: между двумя персонажами стоит предмет в виде сужающегося кверху столбика с расширенным наверху⁴. Изображение сходного изделия имеется на анатолийской печати, где такой предмет имеет сверху «крышку»⁵, причем и в этом случае вся сцена связана с культом возлияний. Налицо присутствие одного и того же предмета,

³ Mellink M. Anatolian Libation Pourers and the Minoan Genius // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Mainz am Rhein, 1987.

⁴ Ibid. Pl. XIX, 12.

⁵ Ibid. Pl. XVII, 1.



Рис. 7. «Миниатюрные колонки»: 1 — каменная «миниатюрная колонка» с крышкой из храма Тоголок-21; 2 — изображение «миниатюрной колонки» на хеттской печати; 3 — изображение «миниатюрной колонки» с крышкой на печати анатолийской группы

явно связанного с церемониями культовых возлияний, хотя назначение его остается не совсем ясным. Для установления назначения этого предмета весьма важны находки так называемых миниатюрных колонок в Юго-Западной Азии и в первую очередь в Бактрии и Маргиане, где были найдены такие колонки с «крышками» сверху. Миниатюрные колонки — это небольшие каменные столбики до 0,5 м высотой с тщательно заполированной поверхностью и всегда расширяющиеся кверху; их торцовые сторонылибо плоские, либо слегка выпуклые, причем по центру они пересекаются неглубокими желобками, нередко переходящими на боковые стороны самих цилиндров. В редких случаях желобки продолжают почти на всю высоту колонки, но иногда полностью отсутствуют. Последнее обстоятельство может указывать не столько на практическое, сколько символическое назначение этих желобков, выточенных обычно с большой тщательностью и старанием. В единичных случаях торцовые части охвачены металлической капсулой, свинцовой или медной.

Такие заполированные до зеркального блеска «миниатюрные колонки» до самого последнего времени находили в могилах или, много реже, в предполагаемых «тайниках», как, например, на Гиссаре. Иногда в могилах их встречали вместе с каменными дисками с желобчатым перехватом (Дашлы-3) или с каменными посохами (Алтын-депе), причем в последнем случае они скорее всего относятся к эпохе поздней, а не средней бронзы.

В настоящее время «миниатюрные колонки» известны в Бактрии, Маргиане, Южной Туркмении, Иранском Хорасане (Шах-Тепе, Тюренг-Тепе, Гиссар), Восточном Иране (Шахдад, Шахри Сохте), Афганском Сеистане (Годари Шах, но здесь во вторичном использовании), в Белуджистане (Дамин, Кулли, Мергар, Кветта)⁸. Иными словами, эти в высшей степени характерные и оригинальные изделия в основном происходят из районов, расположенных к востоку от осевой линии Гиссар—Шахдад—Годари Шах, и практически неизвестны в областях к западу от нее. П. Амье уже отметил, что находка таких «колонок» в Сузиане во вторичном их использовании скорее всего указывает на их импорт из Бактрии, что представляется вполне вероятным⁹.

Наиболее представительная коллекция «миниатюрных колонок» происходит из раскопок храма Тоголок-21 в Маргиане, выстроенного и предназначенного для приготовления опьяняющего культового напитка и культовых возлияний,

⁸ *Pottier M.H. Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'Age du Bronze. P., 1984. P. 41—42. Fig. 283—288.*

⁹ *Amiet P. L'Age des Echanges Inter-Iraniens. P., 1986. Fig. 97, 4; 101—104.*

которые проходили в этом же храме¹⁰. В помещениях храма было обнаружено свыше 30 целых и фрагментированных «колонок», среди которых впервые были встречены экземпляры с «крышками». Эти экземпляры ничем не отличаются от остальных, за исключением того, что торцовая сторона имеет «крышку»; желобки видны как на самой «колонке», так и сверху на «крышке». И хотя само по себе это и не решает проблемы происхождения «миниатюрных колонок», но тем не менее позволяет наметить новые пути поисков их прототипов (рис. 7, 1).

Обратимся к так называемой анатолийской группе цилиндрических печатей со сценами культовых возлияний. На одной из них изображен восседающий на стуле человек с кубком в руке, в который служитель наливает какую-то жидкость, причем у колен сидящего персонажа изображен цилиндрический, расширяющийся сверху предмет предположительно с «крышкой» над ним¹¹ (рис. 7, 3). Этот предмет напоминает «миниатюрные колонки» с «крышками» из комплексов Тоголок-21. Изображение близкого по типу предмета имеется на хеттской печати, где он, судя по всему, является культовым атрибутом. По обе стороны от него расположены две фигуры: первая — птице-человек с кувшином для возлияний в руке¹², напоминающий персонаж на оттиске печати из Маргианы¹³. Вторая фигура — сидящий человек, который держит в руке перекрещенные палочки или, что вероятнее, прутья; это изображение напоминает «барсомы» на известной золотой пластине из амударьинского клада¹⁴ (рис. 7, 2).

Приведенные выше сиро-хеттские и бактрийско-маргианские параллели не выглядят чем-то удивительным и неожиданным. На них уже давно указывал П. Амье, а затем они нашли свое подтверждение в новом материале. Отметим, что этот же исследователь говорил о возможном влиянии Египта на происхождение «миниатюрных колонок»; видимо, где-то здесь, в этой части Переднеазиатского мира и следует искать прототипы исследуемым «колонкам». Связь «миниатюрных колонок» с ритуалами культовых возлияний представляется весьма вероятной, хотя потребуются еще многие доказательства для подтверждения такого предположения.

«Миниатюрные колонки» появляются в очерченной зоне в самом начале II тыс. до н.э. вместе с другими новшествами, в частности, с культовыми сосудами и амулетами мургабского стиля. Все вместе они знаменуют появление новых, ранее неизвестных здесь верований и культов, в которых в качестве непременных атрибутов использовались в «миниатюрные колонки».

Возвращаясь к сцене на бактрийском флаконе, следует отметить, что изображения обезьян с сосудами не являются чем-то необычным. Можно найти им параллели в характерной группе бактрийских бронзовых статуэток обезьян с поклажей на спине, вероятнее всего — кожными бурдюками для жидкости¹⁵. Такие статуэтки скорее всего связаны с теми же ритуалами, что и на рассматриваемом бактрийском флаконе.

В заключение остановимся на близких изображениях, уже отмеченных в литературе. Это прежде всего так называемые «минойские гении» Греции: стоящие львы с сосудами в передних лапах. В одном случае процессия таких львов движется в сторону богини с кубком в руке, восседающей на троне¹⁶.

¹⁰ Сарваниди В.И. Древности Страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

¹¹ Mellink M. Anatolian Libation Pourers and the Minoan Genius // *Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds*. Mainz, 1987. Pl. XVII, 11.

¹² *Ibid.* Pl. XIX, 13.

¹³ Сарваниди В.И. Оттиск цилиндрической печати «минтаннийского стиля» на маргианской печати // ВДИ. 1992 № 2.

¹⁴ Амударьинский клад / Автор и сост. Е.В. Зеймаль. Л., 1979. С. 48.

¹⁵ *Bactria an Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan* / Ed. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia, 1989. Fig. 105.

¹⁶ Mellink. *Op. cit.* Pl. XX, 20.

Композиция близко напоминает вышеупомянутые анатолийские, связанные с культовыми возлияниями. В ряде случаев «минойские гении» держат сосуды, из которых торчат веточки растений, как и на анатолийских а в одном случае между минойскими львами изображено какое-то растение¹⁷.

Имеются в греко-микенском искусстве и изображения обезьян, играющих человеческие роли; для нас, возможно, наиболее интересными будут те из них, где обезьяны выступают как музыканты, напоминая персонажей на маргианском цилиндре¹⁸. Любопытна и другая сценка, где обезьяна убивает змею (вспомним, что на бактрийском флаконе обезьяна пытается поразить кинжалом волка). Как бы ни относиться к таким сопоставлениям, остается фактом то, что в минойском искусстве образы обезьян занимали большее место, чем даже в Анатолии и Египте.

Суммируя приведенные данные, можно сделать некоторые предварительные выводы. Рассматриваемая сцена на бактрийском флаконе отражает влияние скорее сиро-хеттского, чем месопотамского искусства и восходит в конечном счете к анатолийскому. Тема и образы бактрийской композиции входят в круг «банкетных сцен», широко представленных в месопотамской глиптике. Однако, по нашему мнению, они ближе к искусству сиро-хеттского мира, где очень популярны были композиции, в которых людей часто заменяли животные. Бактрийская композиция отражает не светскую, а культовую тему, связанную с церемониями культовых возлияний опьяняющих напитков типа сома-хаома, изготовленных скорее всего из растения мака. Образ волка, которого поражает обезьяна, вероятно, указывает на его отрицательное значение в местной бактрийской мифологии. Бактрийский флакон был изготовлен на месте бактрийскими торевтами, помнившими темы и сюжеты, распространенные в предшествующее время на их былой родине, расположенной к западу от Бактрии.

Оба бактрийских флакона свидетельствуют не только о высоком техническом мастерстве местных торевтов, но и о высочайшем уровне художественного развития, в котором органически переплетались как бывшие мифологические традиции, так и их местная переработка на новой бактрийской родине.

Наконец, сиро-хеттские истоки рассмотренной композиции бактрийского флакона, возможно восходящие в свою очередь к анатолийским, лишней раз указывают на правомерность помещения индоевропейской прародины в Малой Азии (теория Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова), откуда индо-иранские племена расселились в восточном направлении, вплоть до Бактрии.

¹⁷ *Marinos S. Kreta und das Mykenische Hellas. München, 1959. № 211.*

¹⁸ *Сарианиди В.И. Сиро-хеттские божества в Бактрийско-маргианском пантеоне // СА. 1989 № 4.*

TWO UNIQUE FLACONS FROM BACTRIA

V.I. Sarianidi

Two bronze flacons, ornamented with complicated compositions, originate from the robbed graves of the Southern Bactria (Afghanistan). In the centre of the composition on the first flacon a serpent-dragon swallowing a hare is depicted. On both sides of this central picture one can see two similar figures — a sitting ape and a hare jumping off head first. The upper part of the flacon is decorated by three relief figures of the eagles with extended wings.

The second cylindrical flacon, with a long neck and a plug in form of a sitting ape, has a complicated composition in two registers. In the centre of the lower register one can see a billy-goat sitting on a throne; its forelegs are moved apart. An ape with a cup stands before the goat, another ape with a small vessel stands behind the first one; there

is a large pithos between them. A figure of a sitting ape is depicted behind the throne. In the upper register there is a representation of an ape, which tries to stab a running wolf with a dagger. Nearby one can see a flower of tulip or poppy. The author believes that this composition is connected with the Syro-Hittite variant of the theme of cultic libations, or — in other words — «banquet scene», which apparently goes back to the similar compositions on the Anatolian glyptics.

The author also treats in detail the problem of origin and function of the so-called «diminutive columns», which spread in Central Asia in the beginning of the II millennium B.C. and had close accordance with some representations on Syro-Hittite glyptics. Perhaps, these columns were used in ritual libations.